

Елена
Хасецкая

ГУЛЯКИ СТАРЫХ ВРЕМЕН

ТОМ
5

Елена Владимировна Хаецкая
Гуляки старых времен
Серия «Марион», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156469

Аннотация

Этот текст имеет отношение к сказке «За Синей рекой» и представляет собой своего рода приквел всей истории.

Содержание

* * *	5
Рассказ о горьком Гансе	7
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Елена Хаецкая

Гуляки старых времен

Этот текст имеет отношение к сказке «За Синей рекой» и представляет собой своего рода приквел всей истории. В частности, здесь действуют молодой Зимородок и молодая Мэгг Морриган. Часть текста написана Тарасом Витковским (вставные новеллы о Золотом звере и Контрабандисте и сиренах).

Все стихи в повести – мои. Одно нуждается в пояснении – это баллада, которую поет Молчун, – «Мальчик-поэт на войну пошел». У поэмы два источника. Во-первых, заглавная строчка взята из ирландской песни, которую поют какие-то переселенцы в космической опере «Стар Трек». Песня переведена плохо, за исключением этой строчки, и мне захотелось продолжить. Во-вторых, в 1996 году у меня сидели ролевики всю ночь перед стартом на игру (кажется, на один из московских «Кринов»). Это были мои соратники по Эшберну, Черная Гвардия, мы недавно вернулись с этой игры (ее устраивали под Питером). Бравые наемники расчувствовались и всю ночь пели. Один из них исполнил песню «Наемник вернулся домой». Он рассказал, что эту песню сочинил один парень, он ушел в армию служить, а когда вернулся, то обнаружил, что его песню украли: кто-то ее поет и выдает за свою. Мне спели эту песню и даже позволили ее записать, но с одним условием: я никому не дам переписывать. Я сдержала слово, запись есть только у меня, а историю украденной песни и приблизительное ее содержание (которое хорошо связалось с мальчиком-поэтом, ушедшим на войну) я использовала в «Пьяницах старых времен».

Эта повесть была написана специально для т.3 Антологии мировой фантастики – «Волшебная страна» (фэнтези), Москва, «Аванта+», 2003, по инициативе Дмитрия Володихина, составителя антологии. Толчком послужила странная моя встреча в одном из проходных дворов на Петроградской стороне. Там сидели какие-то ветхозаветные благовоспитанные алкоголики, очень вежливые, и благопристойно выпивали. Было лето, росли пыльные лопухи – казалось, не было ни перестройки, ни капитализма, а на дворе по-прежнему семидесятые... У меня в голове стало складываться стихотворение, которое приводится в тексте.

Первоначально повесть называлась «Пьяницы старых времен», но по просьбе Володихина название было изменено, поскольку основной читатель Антологии, как предполагалось, – дети, книга должна была поставляться в школьные библиотеки, и если какой-нибудь преподаватель откроет оглавление, а там, о ужас, пьяницы какие-то...

Предисловие, приведенное в этой папке, я написала для третьего тома Антологии.

* * *

Пьяницы старых, добрых времен,
Где вы, пьяницы старых времен?

Краснорожие, вислобрюхие,
Пили пиво, стучали кружками,
И икали, рыгали, хрюкали,
И служанок звали подружками, –

Пьяницы старых, добрых времен,
Где вы, пьяницы старых времен?

Пухлым задом, обтянутым юбкою,
Кружевами по подолу вспененной,
Семипудовую голубкою
Опуститься бы на колени вам!

Пьяницы старых, добрых времен,
Где вы, пьяницы старых времен?

Пирожки маслянистой горкою,
Мясо с кровью, пива бочонок... Что потом?
Ваше пенье, нестройное, громкое,
Драки хорошие, танцы с топотом...

Пьяницы старых, добрых времен,
Где вы, пьяницы старых времен?

Когда Дофью Грас написал это стихотворение, то многих оно повергло в самое настоящее недоумение. Среди своих товарищей (о них речь впереди) Дофью был известен как сочинитель почтенных застольных баллад – таких, как «Горький пьяница рыжий Ганс», «Эй, привидение, сядем за стол» и бесконечная «Пивная кружка», которую исполняют обыкновенно под самый конец пиршества.

– Объясни, как это тебя угораздило представлять свою персону в виде «семипудовой голубки»! – сердито говорил Забияка Тиссен, самый суровый ценитель изящной словесности в округе.

Тиссен был лет восьмидесяти, тощ и чрезвычайно складчат; его нос и указательный палец, которым он тыкал в листок со стихами, скрючились, так сказать, в одной позе и выражали одинаковое неодобрение.

Дофью Грас, также очень немолодой господин, дородный, весьма румяный (при виде его на ум сама собою вскакивает яичница с ветчиной, пышная и брызжущая здоровьем, – до которой он был, кстати, большой охотник) вынул изо рта погасшую трубку, внимательно поковырял в ней мизинцем и с деланной рассеянностью принялся растолковывать:

– Поэт, минхер Тиссен, волен воображать себя кем угодно. Это называется – «лирический герой».

– Но почему «голубкой»? – не унимался Тиссен.

– Мне доводилось сочинять от лица старого рыцаря ван Хорста – ничего, всем понравилось. А припев в этой песне, между прочим, поется его лошадью – об этом я никому не говорил! – и ничего, все исполняли да нахваливали.

Забияка Тиссен побледнел под загаром.

– Лошадью? – переспросил он.

Дофью расхохотался.

– А «Кружка»? – сказал он потом. – Ведь эта баллада написана от имени кружки, которая перечисляет всех славных пьяниц, когда-либо наполнявших ее добрым пивом...

«Кружка», к слову сказать, была настоящим шедевром Дофью Граса. И дело даже не в том, что полностью она состояла из восемнадцати куплетов, по восьми строчек в каждом. Каждый куплет заключал в себе сжатое описание жизни, подвигов (а иногда и смерти) знаменитейших ценителей дивного хмельного напитка. Наилучшего в «Кружке» было то, что она неизменно вызывала в исполнителях дух здоровой соревновательности. Как только что упоминалось, к этой балладе приступали только после того, как все прочие бывали спеты, а большая часть бутылей и кувшинов опустевала. Требовалось не забыть ни одного куплета (что само по себе превращалось в вид спорта). Время от времени поющие замолкали, вглядываясь друг в друга блестящими от волнения глазами, а потом кто-нибудь вспоминал очередное прославленное имя и затягивал снова; прочие с облегчением и радостью дружно подхватывали. И все равно восемнадцатый куплет часто оставался неспетым. Замечательно, что автор «Кружки» помнил ее, кажется, хуже всех. Словом, «Кружка» составляла славу Дофью Граса как стихотворца.

И раз уж речь зашла об этой балладе, стоит обратиться к Анналам Общества и извлечь оттуда подходящую к делу историю. Так всегда поступают Старые Пьяницы, и мы не видим причины, почему нам следует действовать иным образом.

На последнем заседании Общества как раз зашла речь об одном из самых знаменитых персонажей «Кружки» – рыжем Гансе, том самом, которому посвящена, кроме того, отдельная большая баллада – также сочинение минхера Дофью.

Начал Густав Таверминне, весьма уважаемый член сообщества, и один из самых давних.

– Знаете ли вы, господа, что баллада «Горький пьяница, рыжий Ганс» основана на истинно бывшем событии? – так заговорил он, когда «Кружка» была допета до конца, но расходиться еще не хотелось.

Тут все загалдели, поскольку любой уважающий себя выпивоха знал множество событий из жизни рыжего Ганса – и все они были совершенно истинными. Однако не так-то просто оказалось смутить Густава Таверминне, недаром он держал галантерейную лавку, где желающий мог приобрести что угодно, от вышивальной иглы до портянок гномского покроя.

– Да, милостивые мои государи, на истинном – да не так, как это принято думать, а с вывертом и, если можно так сказать, с подковыркою, – продолжал Таверминне. – И хоть баллада от этого не утрачивает ни малой толики своей благоуханной поэтичности, а все же не все в ней трактуется под правильным углом зрения.

И, говоря все это, он чуть склонил набок маленькую сухую старческую голову, как бы демонстрируя надлежащий угол зрения. Голова у Густава Таверминне была примечательна сплюснутостью. По правде сказать, она была почти совершенно плоской, как коробочка с липкими разноцветными леденцами, столь популярными среди детворы.

Рассказ о горьком Гансе

Горький Ганс – под таким именем вошел в местные предания этот знаменитый выпивоха былых времен – жил приблизительно за сто лет до описываемой достопамятной беседы. Был это тогда совсем молодой человек, мало чем примечательный – разве что волосами цвета свежеструганной морковки; трудился он – не слишком, впрочем, усердно – на огороде своей матушки, пока та не умерла и не оставила бедного Ганса совершенно без призора.

Здесь требуется заметить, что восемнадцатилетние молодые люди, даже и с морковными волосами, недолго бывают без женского пригляда. Ганс, разумеется, не стал исключением из этого правила. Огород его очень быстро зарос замечательнейшим бурьяном – как раз кстати, чтобы целоваться с одной застенчивой девицей по имени Дагмар.

Об этой Дагмар старые люди помнили, что она была крепкая, как яблоко, и такая же румяная; косы у нее были толстые и жесткие, так и топорщились на голове, завязанные лентами с модными тогда бархатными фигурками кошек и мышек. Фигурки свисали с кос на ниточках и вели в волосах Дагмар бесконечную охоту.

Избранница Ганса совершенно ему подходила, поскольку, кроме привлекательной наружности, обладала полезной для счастливого брака особенностью: нравом она совершенно была подобна будущему супругу, то есть склонялась более всего к лени, мечтательности и тягучим беседам ни о чем. Ясным летним деньком, когда чуть за полдень, и по небу начинают неспешно перемещаться облачка, – вот тут самое время, улегшись среди распаренных бурьянов и глядя в небо, гадать, какие фигуры этими облаками представляются. И всякий раз, когда Ганс и Дагмар думали об облаках одинаково, их охватывало ни с чем не сравнимое блаженство, и они тут же, не сходя с места, целовались.

Подобному времяпрепровождению мешало только одно обстоятельство: и Ганс, и Дагмар были очень бедны. Поэтому они мечтали также и о том, чтобы как-нибудь разбогатеть, только ничего у них не получалось.

В разговорах да поцелуях провели они все лето, а ближе к осени Ганса вдруг обуял хозяйственный дух, и он повадился ходить в лес – собирать на зиму грибы и ягоды. Принес он ровнехонько две корзины, где грибы и ягоды лежали вперемешку, да еще с шишками и сухой берестой. Дагмар взялась было разбирать, но ягоды как-то сами собою незаметно съелись, а грибы, высушенные на палочках, почти совсем исчезли – такие черные и сморщенные они сделались.

На третий раз Ганс решил набрать всего побольше – чтобы и Дагмар полакомилась, и на долгую зиму хватило – и для того забрел очень далеко.

Медленно надвигался вечер; вдруг поднялся из земли густой туман, и вскоре Ганс погрузился как бы в молоко; а затем к привычному лесному запаху подмешалась горечь. Поначалу Ганс не вполне понимал, что это такое, но вот ноги вынесли его на обширную поляну, где хватило места, чтобы ветер разогнался и поприжимал туман к лесной стене. И вот там, на краю леса, увидел Ганс белые клочья, и черные стволы, и выползающих из земли извивающихся оранжевых змей. Они обвивали стволы и уползали под корни, а потом снова приподнимались, как будто танцевали. Горечь сделалась совсем невыносимой – из глаз Ганса потекли кусачие слезы, а в горле поселился толстый колючий шар. Поглядел-поглядел Ганс на черные стволы и желтых змей, а потом вздохнул и упал на землю. Корзина укатилась куда-то, неодолимый сон сморил Ганса.

А пробудился он – ничего вокруг себя не узнал. Стоял день – парчовый осенний день. В ледяном, совершенно прозрачном воздухе так хорошо видно каждый лист на дереве, каждого сонного жучка в траве. Повернув голову, приметил Ганс женские босые ножки. Это были очень белые хорошенькие ножки, которые шевелили пальцами, словно бы гримасни-

чая. Чуть выше пальцев обнаружился подол бледно-желтого платья, расшитый стеклянными бусинами. Затем что-то негромко затрещало – тр-р! тр-р! – и подол вместе с ножками медленно взмыл вверх.

Тут уж Ганс приподнялся на локте – чтобы получше рассмотреть происходящее.

– А! – закричали сверху. – Очнулся, очнулся!

И, шурша широкими бархатно-коричневыми крыльями, рядом с Гансом опустилась фея. С крыльев на Ганса строго взирали круглые желтые немигающие глаза. Ганс так и замер в холодной траве, но тут на него упала копна душистых, пахнущих листвой, волос. Сверху эти волосы были покрыты сверкающими паутинками – каждая тонкая нить ловила солнце и отвечала переливами радуги или чистейшим серебром. Затем показалась рука, и из-под волос вынырнуло женское лицо, молочного-белое, с пухлыми губами. Такими губами хорошо пить березовый сок прямо из ствола, а еще – слизывать с них капельки меда. Длинные волоски бровей были украшены крошечными заколочками в форме бабочек – не менее десятка на каждой брови.

– Ох! – только и вымолвил Ганс и снова без сил повалился на траву.

Фея пощекотала ему нос длинной травинкой.

– А ну-ка, – велела она, – рассказывай мне что-нибудь интересное.

– Э-э... – замычал Ганс в некоторой тревоге. – А кто ты?

Крылья шумно развернулись. Теперь глазки смотрели еще строже. Ганс разглядел синий зрачок.

– Меня зовут Изабур, – сказала фея.

– Меня – Ганс, – представился Ганс и тотчас поспешно добавил: – А мою невесту – Дагмар.

– Как интересно, – проговорила фея, укладываясь на траву рядом с Гансом. Ее крылья, наполовину сложенные, непрерывно двигались, то открываясь пошире, то почти смыкаясь. Волосы феи рассыпались по земле. В вырезе платья, за тонкими стеклянными бусами, видна была маленькая грудь, и это сильно смущало Ганса.

– У меня была подруга по имени Дагмар, – сказала фея задумчиво.

– А что с ней стало? – испугался Ганс.

– Полюбила одного человека и улетела к нему. А ты что подумал?

– Не знаю, – пробормотал Ганс. – Я всегда пугаюсь, когда говорят: «У меня была». Вот у меня была добрая матушка – она умерла.

Фея на мгновение полностью раскрыла крылья, а потом сжала их.

– Как тебя угораздило попасть в пожар? – спросила она.

– Это был пожар? – удивился Ганс.

Фея чуть повернула голову и с любопытством посмотрела на него.

– А ты что подумал?

– Я не подумал... – Ганс покраснел. – Мне показалось, что это красиво...

– Ты чуть не сгорел, – упрекнула его Изабур.

– Ужас. – Ганс закрыл лицо руками. – Ты спасла меня!

– Да. – Изабур вытянула вперед руки, взяла в каждую горсть по пучку травы и сладко потянулась, выгнув спину.

Ганс восхищенно смотрел на нее.

– Скажи мне, Ганс, что бы ты хотел больше всего на свете? – спросила Изабур сонно.

И так как этот разговор был таким же медленным и тягучим, как его беседы с Дагмар, и мысли точно так же с одинаковой важностью плавали вокруг самых серьезных на свете вещей и вокруг самых больших пустяков, то Ганс ощутил себя, так сказать, в знакомых водах и ответил фее Изабур так, как ответил бы своей любезной Дагмар:

– Я бы хотел жить в достатке, не работая, и чтобы со мной была моя любимая, а людям от меня была бы радость; мне же от них – уважение, хотя бы маленькое.

– Это можно устроить, – сказала Изабур, поразмыслив немного над услышанным. Она подвинулась чуть ближе, и вдруг ее ослепительное лицо с диковатыми глазами и бабочками на бровях оказалось совсем близко. – Поцелуй меня, – проговорили медовые губы.

Ганс вернулся домой из леса на третий день после того, как расстался с Дагмар. Был он страшно голоден, весь в копоти, одежда оборвалась, корзина потерялась, сам еле жив. Вся деревня вышла на это поглядеть. Тут уж и Дагмар не стала больше таиться – скатилась по ступеням и бросилась ему навстречу, роняя башмаки и заранее раскидывая для объятий руки. Ганс сперва остановился, а потом качнулся, как надломленный, и тоже побежал. Так они посреди дороги и обнялись, а спустя два дня поженились и перебрались жить в маленький гансов домик.

Поначалу они – что никого не удивляло – перебивались с хлеба на квас; но затем Ганс открыл пивную торговлю. В подробности он не входил, так что совет местных сплетников всю историю неожиданного обогащения рыжего парня сочинил, можно сказать, за него: мол, помер какой-то родственник и оставил деньги... или даже целую пивоварню. Называли разные города и поселки, где эта пивоварня якобы находится. На самом деле никто ничего толком не знал.

А пиво Ганс продавал знатное. И не в том было дело, что оно густое или легкое, сладкое или с горчинкой; а в том, что оно всегда оказывалось по погоде, по времени года и даже по настроению, и уж если взял у Ганса кувшин-другой, то можно не сомневаться: этим пивом не поперхнешься, в горле оно комом не застрянет, голова от него не разболится, а настроение только улучшится.

Торговала по преимуществу Дагмар, в белом крахмальном чепце с множеством торчащих во все стороны острых углов, вся в бантах и искусственных цветах. От брака с Гансом стала Дагмар еще румяней; ее щеки блестели, словно отполированные масляной тряпочкой, и выглядели они крепче каменных шариков; глаза весело смотрели навстречу любому проходящему, а в ее косах теперь играли не самодельные кошки и мышки, но купленные в городе леопарды и зебры из самого настоящего плюша.

С тех пор, кстати, начали примечать различные странности, то и дело происходившие там, где появлялся Ганс. Так, однажды стадо коров полегло на лугу, как мертвое. Это было замечено девицей, которая отправилась на реку полоскать белье. Сперва слова девицы на веру не приняли, поскольку от нее разило пивом; что до белья в ее корзине, то оно выглядело так, словно его окунали в бочку с этим хмельным напитком. Однако насчет коров решили все-таки проверить и действительно обнаружили их лежащими. Издалека они казались большими валунами, выпавшими из великаньей корзины, – рыжими, белыми, черными и пятнистыми.

Пастуха разбудили, когда веревка была уже прилажена к прочной ветке старого дуба. Напрасно бедный парень орал и брыкался – его успокоили ударом кулака в висок, после чего отнесли на место и просунули в петлю. И тут одна из коров зашевелилась, подняла морду и испустила протяжное мычание. Пастуха из петли вынули и бросили под деревом приходить в себя, а сами побежали к стаду.

И что же? Все коровы источали пивной перегар и плохо соображали, что происходит; молоко пришлось сдоить и вылить подальше от дома, поскольку то, чем доились в тот день коровы, не пришлось бы по вкусу даже хмельной лесане, что спит под грибницей пьяных грибов.

Случай этот заставил Ганса крепко призадуматься – и с тех пор он никогда больше не купался там, куда водят на водопой местное стадо.

Избегал он и целовать Дагмар в губы, когда она носила или кормила детей, – а детей у Ганса и Дагмар родилось великое множество. Любая жидкость, к которой прикасался Ганс, превращалась в пиво – таков был подарок милой феи Изабур. Пивное это процветание длилось долго-долго и, говорят, старший сын Горького Ганса унаследовал это чудесное свойство.

– А почему, в таком случае, Ганса называли горьким? – осведомился Забияка Тиссен. – Вас послушать, минхер Таверминне, так все в жизни этого Ганса обстояло просто замечательно!

– Именно так, – подтвердил Густав Таверминне. – «Горький Ганс» – это сорт пива, который начал продавать его сын, тот самый – наследник. А самого Ганса его супруга Дагмар называла Сладким...

Разумеется, многие усомнились в правдивости этой истории и всяк пожелал рассказать собственную версию; однако сейчас совершенно нет времени передавать их все.

Можно добавить также, что пиво «Горький Ганс» принадлежало к числу напитков, наиболее уважаемых нынешним Председателем Общества Старых Пьяниц.

Другими его достоинствами были: умение с закрытыми глазами распознавать любой из местных сортов пива и чрезвычайно плохая память, так что одной и той же шуткой можно было смешить Дофью Граса до десятка раз – и только в одиннадцатый он принимался мелко моргать глазами, недоуменно прислушиваясь к своим ощущениям, прежде чем сказать: «Кажется, я слышал что-то такое... «А она его уполовником», да?».

Занимался Дофью Грас промыслом пушного зверя, а жительствовавал в трех домах от таверны «Придорожный Кит», владельцу которой приходился троюродным братом (а его дочери – крестным отцом; ведь известно, что и феи, и эльфы могут становиться крестными; отчего же не быть стихотворцу и пьянице?).

Таков был Дофью Грас – Председатель великого тайного Общества пьяниц древнего благочестия, избранный на этот пост после кончины Кристофера Тиссена. Забияке Тиссену этот Кристофер приходился дядей, и Забияка сильно надеялся на то, что уважение к покойному Председателю обратит сердца сотоварищей в сторону родственного тому кандидата; но этого не случилось. Однако же Забияка считал себя, пусть неофициально, хранителем традиций и, так сказать, их цензором и потому придирчиво исследовал всякое новшество, допускаемое беспечным Дофью.

Беседа их проходила в «Придорожном Ките» в поистине хрустальный час: было раннее утро – это что касается времени суток; что же до времени года, то осень только-только поставила на порог свою полную ножку в пестрой атласной туфельке. В далеких лесах, где никто не бывал, феи собирались стайками, готовясь к перелету в более теплые края, а из непроходимых чащоб и душегубных болот выбирались к людскому жилью странные существа, принося с собою для обмена мед, дичину, бочонки мятой гонобобели с пряностями, мешки древесной капусты и резаный кусковой кисель с Молочного ручья, где никогда не ступала нога человека.

В «Ките» было тихо и почти безлюдно. Говоря «почти» мы имеем в виду одно небольшое исключение. Оно представляло собою молодого человека – такого, по правде сказать, молодого и тощего, что его здесь, можно считать, и не было. Он самым невинным образом спал на полу возле каминной решетки, где ненастным вечером будут исходить паром многочисленные плащи и сапоги, а сегодня торчал забытый кем-то одинокий башмак, совершенно рыжий и с одного боку обгрызанный собакою. Длинное, сходное с тростью тело молодого человека было плотно обернуто плащом. С одного края этого рулета высывались босые ступни, а с другого – преимущественно нос и клочок светлых волос.

– Кто этот франт? – кивнул в его сторону Забияка Тиссен.

– В первый раз вижу, – отозвался Дофью. Он чуть пошевелил бровями, пробуя: получится ли в этот раз сдвинуть их, нахмурясь. Но этому намерению, как и всегда, помешала толстая складка на мясистом лбу. Дофью вздохнул. До пробуждения Алисы – так звали его крестницу – оставалось еще по меньшей мере полчаса, ибо эта достойная девушка поднималась вместе с солнцем, а солнце осенью встает несколько позднее, нежели делает это летом. Поэтому собеседникам предстояло томиться голодом не менее пятидесяти минут, пока, наконец, Алиса подаст им первую яичницу с беконом.

Разговоры, впрочем, заняли их достаточно, чтобы они почти позабыли о голоде. Речь шла о предстоящей сессии общества, к которому оба принадлежали вот уже пятнадцать лет, а может быть, и поболее.

Это общество было засекречено и окружено тайнами – и все ради того, чтобы исключить даже самую вероятность появления среди его членов всех недостойных разновидностей пьяниц. Тех, например, кто топит в вине неудачи, горе или собственную никчемность (известно, что никчемность, будучи опущена в вино, растворяется в нем, а затем, поглощенная вместе с выпивкой, принимает новые, зачастую опасные формы). Или таких, кто пьет от скуки. Злых драчунов, которые с помощью стакана желают укрепить свою злость, набраться храбрости и сокрушить пару мебели, а то и чью-нибудь голову. Нудных резонеров, кои после второго стаканчика открывают общеобязательный университет под вывеской «Искусство жить как я это понимаю». Нет среди таковых тонких знатоков пива и душевной, поучительной беседы, и потому следует всеми мерами таить от них место и время встречи всех истинных ревнителей доброй выпивки.

Почти семь лет таким местом служил охотничий домик барона Модеста фон Эреншельда. Барон Модест был, наверное, самым беспечным из всех людей, со времен Авессалома когда-либо обладавших охотничьими домиками. Он и понятия не имел об этих сборищах, а если б даже и имел, то не слишком бы этим озаботился, поскольку проводил беспечальные дни своей жизни в развлекательных и поучительных путешествиях. По самым точным сведениям, он пускался в дорогу не иначе, как в сопровождении своры собак, большого количества лошадей, парикмахеров для всех двуногих и четвероногих, шести лекарей разнообразных профилей и квалификаций, десятка ученых мужей, занятиям которых барон покровительствовал, и самых различных прислужников, из коих наиболее оплачиваемой была должность штатного развлекателя. Немало таковых, повешенных на придорожных платанах, видели там, где пролегал путь Эреншельда. К одежде их всегда были заботливо подколоты листки с копией контракта найма на работу, где нарочно оговаривались все сопряженные с нею риски, так что никто никогда не считал барона Модеста тираном или, хуже того, преступником; напротив того, он слыл добродушным малым, меценатом и фантазером.

Однако годы шли, и в описываемую нами благословенную осеннюю пору старый Эреншельд внезапно умер, оставив после себя титул, значительное наследство, некоторое количество безутешных преданных слуг и никем не учтенных побочных отпрысков, часть из которых получала где-то образование, а часть – влачила вполне крестьянскую жизнь и лишь в минуты особой экзальтации намекала окружающим на некую тайну своего происхождения. Тучных тельцов эта тайна, впрочем, не приносила.

Единственным наследником Эреншельда сделался его племянник, сын сестры, по слухам – чрезвычайно ухватистый и реалистический человек, который не только любил деньги, но и умел это делать.

Сейчас он надвигался из столицы со сворой своих землемеров, управляющих, учетчиков, крючкотворов и советников. Охотничьему домику, а вкупе с ним и обществу старых пьяниц, грозила таким образом большая опасность.

И вот эту-то опасность и обсуждали Председатель этого почтенного Общества и многоумный Забияка, выискивая разные ходы и выходы из приближающейся ситуации. Они разговаривали вполголоса; но молодой человек, лежавший у очага, как оказалось, превосходно их слышал, потому что совершенно неожиданно он произнес:

– А почему бы вам не принять его в почетные члены? Аристократам льстит внимание.

Оба старика так и подскочили и в ужасе поглядели на незнакомца, столь внезапно подавшего признаки жизни.

Забияка спросил:

– Ты давно не спишь?

Молодой человек выпутался из плаща, сел и признался:

– Да уж порядком...

– Ну так иди к нам, – предложил Дофью Грас. – Ты, братец мой, вообще-то неприлично молод, чтобы давать нам советы.

Молодой человек вытащил из-за пазухи сверточек, развернул его и извлек из мягкой тряпицы трубку. Делал он это как бы между делом, мало интересуясь в этот момент окружающими; на самом же деле в этом заключался определенный умысел, поскольку мало кто из бывалых людей не узнал бы работу лучшего в здешних краях трубочника Янника Мохнатая Плешь.

Как известно, нет ничего слаще, чем вволю посплетничать; поэтому и наше повествование то и дело перебивается различными, в сущности бесполезными, сведениями. Взять, к примеру, этого самого Янника. Плешь у него действительно была мохнатой, то есть поросшей бледным зеленоватым мохом – иные отчаянные женщины уверяли (шепотом), что на ощупь эта плешь совсем как старая плюшевая игрушка.

Янник произошел от союза болотного тролля и беспечной ягодницы Катрины. Об этом рассказывают вполне достоверно и даже показывают украдкой Катрину – почтенную, очень старую женщину, окруженную множеством вполне человеческих правнуков.

Случилось так, что болотный тролль загрузил, поскольку непременно желал завести детей. Красть в деревне не хотелось – желательно, чтобы бедокурила в доме родная плоть и кровь. И вот забрела на болота беспечная ягодница Катрина. Тут-то и похитил ее тролль.

Для начала он напугал ее так, что она потеряла сознание а затем напоил одурманивающими травами. В полусне прожила она на болоте чуть менее года; когда же ребенок наконец родился, тролль снабдил Катрину богатым приданым и вынес на дорогу, ведущую в город, а сам преспокойно ушел.

Случившееся Катрина помнила очень плохо и никогда не горевала о тролленке, зато приданым распорядилась весьма здраво. Янник же вырос сущим уродом как по людским меркам, так и по тролльским и оттого предпочитал уединение.

Лишь очень немногим удавалось снискать его дружбу и доверие, а уж заполучить трубку янниковой работы – это, господа мои, говорило о человеке очень и очень многое! Поэтому Дофью Грас, ни слова не произнеся, вынул из кармана собственную трубку – старшую сестру той, что продемонстрировал незнакомый парень, – и положил ее на стол.

Юноша не спеша достал мешочек с табачком, и Грасу предложено было угоститься.

Ах-ах, знатным оказался табачок, и вскоре кольца дыма, сплетаясь восьмерками и как бы кривляясь на легком сквознячке, поплыли над столом и макушкой Тиссена, исчезая в конце концов возле арочного проема, за которым располагался вход в таверну.

Дофью Грас думал о том, что незнакомый юноша отменно учтив и умеет себя держать; а также и о том, что солнечный луч уже ощупывает ставни, проникая в щели и норовя взломать преграду, а стало быть и Алиса уже поднялась и повязывает фартук, и ветчина, извлеченная из погреба, истекает напрасными слезами.

Вскоре Алиса действительно спустилась по ступеням, приветливо махнула обоим старикам и молодому человеку и скрылась в кухне. С утра ее чепец и одна щека были несколько примяты, но когда она выступила из кухни с огнедышащей яичницей, как бы пронзенной множеством длинных тонких розовых ломтиков, то и щеки, и чепец, и фартук хозяйки чудесным образом разгладились и радовали глаз: первые – румянцем, вторые – белизной, разве чуть-чуть сдобренной веселыми золотыми брызгами масла. Словом, все вокруг в этот час сверкало, шкворчало и бурчало.

Алиса поцеловала Дофью в мясистый лоб, Тиссена в запавший висок, а незнакомого парня – прямо в губы, назвав при этом Зимородком, после чего ушла опять в кухню – варить кофе.

– Зимородок? – переспросил Тиссен, с подозрением щурясь. – Это тебя так зовут?

Молодой человек усердно покивал, не переставая поглощать свой кус яичницы.

– Хо-хо! – молвил Дофью Грас. – Знатно готовит наша Алиса.

– Смотри, чтоб она не пронюхала как-нибудь про «семипудовую голубку», – предупредил Забияка Тиссен.

Грас изумился:

– А при чем тут Алиса?

– Женщины, – жуя, ответил Тиссен, – мнительны.

– Это точно, – подтвердил и Зимородок.

Яичница закончилась, по обыкновению всех представительниц своего коварного желтого племени, очень быстро, и трое сотрапезников погрузились в волнительное ожидание вчерашнего пирога с кофе.

И вот, слово за слово, стала сплетаться у них беседа; каждый извлек из закров то, чем был богат; и когда уж и кофе, и разогретый пирог с корочкой отошли в область преданий, готов был отменный план, как сбить молодого Эреншельда с истинного пути, чтобы никогда не найти ему охотничьего домика в своих лесных угодьях. А коли заговор вполне созрел, то и нам больше нечего делать в таверне «Придорожный Кит», поскольку ничего любопытного там больше в тот день не происходило.

А вот недели две спустя заглянуть туда не мешало. Давно уже не видели здешние края такого наплыва темного сукна, удушливых воротничков и серых физиономий с пуговичными глазами, совершенно плоскими. Такие глаза хорошо приспособлены к разглядыванию денег, счетов, лицензий, схем застройки, завещаний и иных предметов, не обладающих профилем; что до захолустных уголков, подобных тому, где царил «Кит», то там преобладали предметы округлые и выпуклые, и оттого трудно даже предположить, какими предстали в то утро молодому Эреншельду достойная хозяйка Алиса, ее пухлые пироги и пузатые пивные кружки. Во всяком случае, покинув экипаж и ступив на дорожку, ведущую к таверне, Эреншельд прищурился и молвил: «Гм».

Молодой Эреншельд был лет сорока, с острым аккуратным носиком и странно отвисшими щеками на худом лице. Они свисали с костлявой челюсти как два пустых мешочка, жаждущих наполнения, что придавало их обладателю – невзирая на хорошо пошитую одежду из качественного сукна, с восемью жемчужными пуговицами на каждом манжете – вид если не голодный, то, во всяком случае, алчущий.

Он поднялся по трем ступенькам, сморщившись, как от кислого, когда они заскрипели, занял кресло возле камина и поднял в воздух длинный палец, призывая хозяйкино внимание. Алиса тотчас приблизилась и не без изумления получила заказ на рагу из тушеной капусты брокколи и каменной маркови.

– Брокколи? – переспросила она, хмурясь, отчего ее милое личико, которое так славно выглядывает поверх горки румяных пирожков, сделалось старообразным. – Это такие маленькие зеленые катышки?

Эреншельд медленно и важно опустил голову, что обозначало утвердительный кивок. Алиса, таким образом, была сразу и озадачена, и поставлена на надлежащее место.

Свита нового барона закусывала, чем придется, – со всеми этими землемерами хозяйка решила не церемониться и вывалила им на блюдо черствых булочек (иные оказались даже понадкусаны), холодной говядины с жилками и ноздреватым жиром и слипшейся фасоли. Все это они ковыряли ножами и вилками, тоскуя, пока Эреншельд величаво дожидался своего овощного рагу.

Из других посетителей в «Ките» имелся только Зимородок. Он весело поглощал пирог с капустой, обильно запивая его темным осенним пивом, а до приезжих господ ему и дела не было. И до чего же бывалый вид был у Зимородка этим утром! Одни только сапоги из мягкой оленьей кожи чего стоили! Они вздымались выше колена, обладали шнуровкой – что там корсаж жеманницы Анны-Сванны из модного романа «Ухищрения Анны-Сванны»! – и страшными разбойничьими раструбами. А куртка, вышитая по подолу и вокруг ворота специальным болотным узором, где в переплетении нитей виднеются бородастые рожи с выпученными глазами, и лоси, что сшиблись и перепутались рогами, и рыбы, у которых из жабер вырастают длинные ветвистые растения с шипами и кусачими листьями! А волчий клык на сыромятном ремешке, что болтается на шее вкупе с пучком переливающихся перьев и хвостиком пушного зверька! Словом, каждый квадратный дюйм Зимородка оповещал нечаянного зрителя о том, что перед ним – искуснейший следопыт, какого только возможно встретить на окраинах цивилизованного мира.

И потому нечего удивляться тому, что Эреншельд, расправившись с брокколи и каменной маркровкой, поглядел в сторону Зимородка и поднял палец. Зимородок в ответ поднял брови и приложился к своей кружке. Эреншельд продолжил безмолвный диалог и чуть согнул палец, подтверждая свое намерение видеть Зимородка подле себя. Следопыт как бы нехотя поднялся, забрав с собою пиво в кувшине, и перешел к камину.

– Приятное утро, – молвил Зимородок.

Это замечание поставило Эреншельда в тупик. Он поморгал несколько раз, а затем неподвижным взором уставился в стену – как раз туда, где копоть от факела оставила пятно, напоминающее голую женщину.

– Я к тому, что погодка дивная, – пояснил Зимородок.

– Э... – выговорил Эреншельд. – Вы, сударь мой, должно быть, из местных?

– Я-то? – переспросил Зимородок и поковырял в ухе мизинцем. – Я из разных мест. А что?

– И почему вы берете? – поинтересовался Эреншельд.

– Смотря по работе, – ответил Зимородок. – Скажем, извести тролля-детоеда – одна цена, а набить мяса бегепотама – совершенно другая. Смотря по степени риска, затратам времени – понимаете?

Эреншельд поморщился, как будто все эти речи доставляли ему неудобство.

– Мне требуется консультант, – выговорил он наконец, немного неуверенно, как будто и сам не до конца понимал, что именно ему нужно.

– Ну... – протянул Зимородок. – За консультации я беру по три гульдена в день.

Эреншельд так и подскочил, тряхнув щеками-мешочками.

– Что это за расценки! – вскричал он. – Да вы сами, как я погляжу, людоед!

– Объясню, – произнес Зимородок невозмутимо. – Консультация занимает у меня почти все время. Ни тебе пива попить, ни поразмыслить о важных вещах. Никакого досуга. Только консультируй да консультируй. Да и работа умственная, а за умственность цена выше.

– Справедливо, – нехотя согласился Эреншельд.

– Но уж зато я полностью ваш, – добавил Зимородок и повернулся чуть боком, чтобы Эреншельду лучше были видны волчий коготь и вышивка с рожами, оленями и так далее.

– Вы приняты, – решил Эреншельд.

Зимородок набил трубочку и склонил голову набок, показывая, что слушает. От Эреншельда он узнал, естественно, только то, что и без того было ему хорошо известно: о наследстве, необходимости учета новых богатств и дальнейшего их использования (Эреншельд предполагал построить фабрику – в зависимости от обнаруженных ресурсов). Наследник барона Модеста был неприятно удивлен тем обстоятельством, что обжитые земли заканчиваются, собственно, «Придорожным Китом» и дорога, дотоле ровная и наезженная, здесь обрывается, а далее простираются леса и болота, населенные зверьем и всякой нечистью.

Впрочем, Зимородок уверял, что при наличии толкового и опытного консультанта вполне возможно обследовать значительный участок лесного массива без всякой опасности для себя.

Договор скрепили рукопожатием, после чего Эреншельд удалился отдавать распоряжение свите и собирать дорожный несесер, куда были сложены желудочные пилюли, счетные приспособления, тетрадь учета и носовые платки. Зимородок запасся у доброй Алисы связкой вяленой говядины и фляжкой яблочного сидра. Алиса позволила поцеловать себя в румяную щеку, покрытую легоньким белым пушком, и тут появился Эреншельд, кислый, но вполне готовый к путешествию.

Выступили немедленно и почти сразу погрузились в лесную чащу.

Осень в ту пору наливалась красками. Листья как будто потяжелели, взяв на себя бремя яркого цвета, и держались на ветках уже не столь уверенно, но все же пока не поддавались. Мох под ногами пружинил, а по кочкам расстелились сети, затканые зеленобокой клюквой.

Эреншельд, надо отдать ему должное, шагал легко, не отставал и не жаловался. Время от времени промокал каплю, возникавшую на острие носа, да зорко оглядывал плоскими глазами кочки, словно подсчитывал количество имеющихся в наличии клюквин. В разговоры он пока что не вступал и видно было, что странные красоты окружающего производят на него невеликое впечатление. Несколько раз чуть в стороне от тропинки в болоте вздувался пузырь, и в мутноватом полупрозрачном куполе показывалась недовольная физиономия тутюшки – в реденькой розовой шерсти, с выпученными белесыми глазами. Тонкие ручки липли к внутренней стороне пузыря, а когда он вертелся, то сзади хорошо были видны мокрые, смятые мушинные крылья. Эреншельд только раз глянул в ту сторону, но ни о чем не спросил.

Зимородок поводил его по лесу до вечера и устроил привал на Грибной кочке – сравнительно сухой поляне, которая несколько возвышалась над общим уровнем болота. Говорили, будто на самом деле никакая это не кочка, а спина (иные поправляли – мягкие части) старой лесани, которая в свое время так напилась пива, что упала носом в болото и в таком положении крепко заснула. Звали лесаню не то Таита, не то Саливата, а может, одновременно обоими именами; из всей ее внешности наиболее примечательным считался нос. Собственно, нос-то и подвел: пока она спала, он пророс и сделался корнем большой грибницы. Грибы Саливаты, напоенные пивными парами, служили для приготовления особого хмельного напитка. Кроме того, пьяными испарениями полны были пузыри, что вздувались в топях окрест Грибной кочки, так что тутюшки вылетали из них совершенно нетрезвые и выделяли в воздухе различные фортеля, отчего нередко падали обратно в топь – и, случалось, погибали.

Обо всем этом Зимородок собрался было рассказать Эреншельду, но тот опередил следопыта. Пока Зимородок разводил костер и водружал над огнем котелок, новый барон вынул из своего несесера счетное приспособление, хитро перевязал на нем несколько узелков, отметив их белым шариком, надетым на ту же нитку; после чего молвил:

– Ну что ж, можно считать, что первый день ревизии прошел успешно. Я доволен. Богатый торф. Возможно, залежи железной руды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.